

О правовой охране и защите результатов интеллектуальной деятельности

Сергей Герасимович Павликов,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Заведующий кафедрой Патентного права и правовой охраны средств
индивидуализации, доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9385-8548>

SPIN-код 7909-2709

AuthorID: 251344

s.pavlikov@rgiis.ru

Аннотация. В статье охарактеризованы некоторые аспекты развития общественных отношений, объектами которых выступают результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Установлено, что одним из главных факторов повышения внимания ученых к данной проблематике стало изменение способов посягательства на российские РИД и СИ со стороны стран «недружественной юрисдикции». Сформированы выводы о необходимости противодействия угрозам усиления санкций на основе заблаговременной подготовки и доведения до сведения заинтересованных стран проектов нормативных правовых актов о расширении перечня зарубежных товаров (групп товаров), на которые не распространяются требования об охране исключительного права, а также расширения сферы применения принудительного лицензирования, в том числе с использованием института признания лица иноагентом.

Установлен факт целесообразности усиления роли государства в процессе охраны и защиты РИД и СИ, что не противоречит принципу диспозитивности гражданского права. Обосновывается, в частности, целесообразность увеличения количества электронных сервисов, которые создаются государственными структурами (например, Роспатентом и др.) с постепенным ограничением количества коммерческих структур, оказывающих соответствующие информационные услуги.

Ключевые слова: правовая охрана, правовая защита, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, основание, классификация, сфера, расширение, параллельный импорт, санкции,

исключительное право, распространение, ответные меры, цифровые технологии, система, электронные сервисы, Роспатент, ВОИС, регистрация правообладателей, патент, патентный троллинг, нейросетевые технологии, Евразийское патентное ведомство, искусственный интеллект.

Для цитирования: Павликов С.Г. О правовой охране и защите результатов интеллектуальной деятельности / С.Г. Павликов // IP: теория и практика. – 2025. – № 3.

Original article

Of legal protection and enforcement of intellectual property rights

Sergei G. Pavlikov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Law.Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0001-9385-8548>

SPIN-код 7909-2709

AuthorID: 251344

s.pavlikov@rgiis.ru

Abstract. The article describes some aspects of the development of social relations, the objects of which are the results of intellectual activity and means of individualization. It has been established that one of the main factors in increasing the attention of scientists to this issue has been a change in the ways in which countries with "unfriendly jurisdiction" encroach on Russian RID and SI. Conclusions have been drawn about the need to counter the threats of increased sanctions based on the early preparation and communication to interested countries of draft regulatory legal acts on expanding the list of foreign goods (groups of goods) that are not subject to the requirements for the protection of exclusive rights, etc., as well as expanding the scope of compulsory licensing, including using the institution of recognition of a person a foreign agent. It has been established that it is advisable to strengthen the role of the state in the process of protecting and protecting REED and SI, which does not contradict the principle of dispositivity of civil law. The article substantiates, in particular, the expediency of increasing the number of electronic services created by government agencies (for example, Rospatent, etc.) with a gradual limitation of the number of commercial structures providing relevant information services.

Keywords: legal protection, legal protection, results of intellectual activity, means of individualization, basis, classification, scope, expansion, parallel import, sanctions, exclusive right, distribution, retaliatory measures, digital technologies, system, electronic services, Rospatent, WIPO, registration of copyright holders, patent, patent trolling, neural network technologies, Eurasian Patent Office, artificial intelligence.

For citation: Pavlikov S.G. Of legal protection and enforcement of intellectual property rights // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3.

Введение

Использование таких различных по своему содержанию терминов, как правовая «охрана» и «защита», в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (далее – РИД и СИ) доминирует в юридической науке. Они применяются в названиях научных структурных подразделений (например, кафедра правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности Московского университета им. А.С. Грибоедова) [1], в Гражданском кодексе Российской Федерации («охраняемые РИД и СИ» – ст. 1225; «Авторство и имя автора охраняются бессрочно. После смерти автора защиту его авторства....» – ст. 1228; «право на указание на экземплярах фонограммы и (или) их упаковке своего имени или наименования и право на защиту фонограммы от искажения действуют и охраняются в течение всей жизни гражданина» – ст. 1323; «защита интеллектуальных прав... с оспариванием предоставления этим результатам и средствам правовой охраны» – ст. 1248 и т.д.), в судебных актах (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» принято «в целях обеспечения правильного и единообразного разрешения судами споров об *охране и о защите* (**Прим.** – здесь и далее выделено автором) интеллектуальных прав», «личные неимущественные и иные права возникают и подлежат *защите* только в случаях, когда они специально поименованы и их *охрана* установлена положениями части четвертой ГК РФ)» – п. 32) и т.д.

Представляется возможным охарактеризовать наиболее актуальные процессы и явления, которые присущи российскому государству и обществу на современном этапе его развития на основе разграничения понятий «охрана» и «защита» применительно к РИД и СИ.

Методы

Для исследования вопросов правовой охраны и защиты РИД и СИ использовались методы анализа, в том числе анализа различных доктринальных подходов, сопоставительного и иных. Метод анализа интернет-пространства позволил выявить наиболее актуальные тенденции в исследуемых сферах общественных отношений. Метод обобщения использован для формулирования выводов.

Основное исследование

Ученые считают, что «гражданские права и законные интересы, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, подлежат не только защите, но и правовой охране» [2]. Однако ознакомление с доктринальными источниками и источниками права позволяет утверждать, что де-факто понятия «охрана» и «защита» либо фактически отождествляются, либо определить их различия практически невозможно.

Отметим, что работ по этой проблематике достаточно много [3]. Мы будем исходить из того, что понятие правовая «защита» следует отличать от понятия правовая «охрана», которое обычно трактуется более широко, т.к. включает любые меры, направленные на обеспечение интересов управомоченного субъекта. Под правовой охраной принято понимать совокупность гарантий государства, связанных с нормативным запрещением, либо иным ограничением определенных действий против охраняемого объекта и направленных на предупреждение и профилактику правонарушений.

Итак, ученые и правоприменители в «большинстве своем разделяют охрану и защиту. Важно, что с позиции соотношения понятий охраны и защиты последняя применяется к тем правам, которые уже нарушены» [4].

Выбор способа обеспечения интеллектуальной деятельности должен обуславливаться реалиями общественных отношений. Однако в ряде случаев уверенно констатировать наличие такой взаимосвязи затруднительно. Например, одна из ключевых статей части четвертой ГК РФ носит название «Защита исключительных прав». Менее убедительным становится мнение некоторых правоприменителей о том, что де-факто речь шла об их правовой охране в силу наличия широкого перечня его способов, в том числе носящих превентивный характер: например, «принятие соразмерных объему и характеру правонарушения обеспечительных мер» (п. 2 ст. 1252 ГК РФ). Вместе с тем, согласно Федеральному закону от 07.07.2025 № 214-ФЗ, с 4 января 2025 г. очень спорно говорить о наличии «правовой охраны», поскольку только «*в случае нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации их защита осуществляется...*».

Не менее спорным является вопрос относительно ответных мер со стороны Российской Федерации в отношении посягательств «коллективного Запада» на российскую интеллектуальную собственность. Автор убежден, что все более своевременным для научных исследований и разработок практических предложений становится выбор мер правовой охраны или защиты РИД и СИ в условиях давления (санкций) на Российскую Федерацию. Имеет место появление новых способов посягательств на российские РИД на основе их нелегального использования как отдельными лицами, так и специальными объединениями, чаще всего, со стороны стран «недружественной юрисдикции». Способы вышеуказанных посягательств могут быть самыми различными. Так, структуры, формально созданные для осуществления патентной деятельности на территории европейских стран в рамках Европейского патентного ведомства (Patent Register, Online Filing,

Espacenet, European Patent Bulletin) [5], были причастны, по мнению ряда исследователей, к подобного рода правонарушениям.

Соответственно, реалии общественных отношений обуславливают необходимость развития и оказания поддержки со стороны Российской Федерации таким структурам, как Евразийское патентное ведомство. Так, его президент Г.П. Ивлиев, характеризуя достижения этой структуры в части охраны именно российских средств индивидуализации, справедливо отмечает необходимость ее активизации на основе формирования евразийских судов по интеллектуальной собственности и, главное, расширения сферы объектов, подлежащих правовой охране [6].

Не теряет свою актуальность проблематика так называемого параллельного импорта. Отметим, что правовое регулирование этого процесса (например, о выделении групп товаров, не подпадающих под институт ограничения исключительных прав на РИД) обуславливает все больший научный интерес [7].

По нашему мнению, сложившаяся в начале 2025 г. ситуация, когда Российской Федерации периодически «предлагают» (США и большинство стран – членов ЕС) перспективы усиления санкций (500-процентные пошлины на импорт из стран, покупающих российскую нефть, газ, уран и другие продукты), либо их смягчение в зависимости от нашего «поведения», требует более осторожного реагирования с учетом активизации в августе того же года процесса мирного урегулирования. Представляется, что не нужно принятие специального «превентивного» закона, как предлагают некоторые авторы [7], а целесообразно, учитывая, что угроза и способ давления заблаговременно доводятся до сведения России также реагировать подготовкой проекта по внесению изменений, например, в Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 270 (ред. от 01.04.2025).

Возможно, менее «глобальным», но не менее эффективным направлением в части противодействия вышеуказанным процессам, может стать расширение сферы применения института принудительного

лицензирования [8]. Разделяем мнение А.П. Альбова о том, что принудительное лицензирование представляет собой институт патентного права, позволяет государству или третьим лицам использовать запатентованное изобретение (или полезную модель) без согласия патентообладателя [9; 10]. Сфера его применения может быть расширена, в том числе, за счет лиц, признанных иноагентами.

В Ежегодном отчете Правительства в Государственной Думе от 26.03.2025¹ отмечено, что в приоритетном порядке следует позволить вернуться «компаниям, которые не заявляли об уходе из РФ, продолжали работать здесь через «дочки» и ответственно относились к трудовым коллективам». Подобная характеристика соответствует некоторым структурам под временным управлением². В качестве примера можно назвать компанию Ariston, которой вернули контроль над активами без продажи отечественным инвесторам. Президент России своим Указом отменил временное управление российской «дочкой» Ariston Holding N.V. С апреля 2024 г. 100% акций «Аристон Термо Русь» владела компания «Газпром бытовые системы». После отмены временного управления итальянский производитель электроприборов заявил, что полностью восстановил контроль над дочерней компанией и намерен продолжать деятельность в России. С учетом того, что это далеко не единичный случай (в 2024 г. отменили временное управление в отношении акций Danon, и компания затем продала российские активы отечественной «Вамин Р»; похожая ситуация была и с «Балтикой»: в декабре 2024 г. ее акции вывели из-под временного управления, и компанию купил «ВГ Инвест»³. Представляется, что в отношении такого рода ситуаций достаточно применения мер правовой защиты соответствующих РИД и СИ.

¹ Сайт правительства РФ: URL: <http://government.ru/news/54597/> (дата обращения: 01.01.2025).

² См.: URL: <https://pravo.ru/story/258103> (дата обращения: 01.01.2025).

³ См.: URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/27/net> (дата обращения: 01.01.2025).

Одним из факторов актуализации затронутой проблематики стало также распространение цифровых технологий, расширение системы электронных сервисов. Трудно не разделить мнение о том, что «в условиях глобальной цифровизации традиционные механизмы патентной защиты сталкиваются с новыми вызовами, требующими переосмысления и адаптации существующего законодательства. Особое значение приобретает необходимость обеспечения технологической независимости государства в условиях геополитической напряженности и санкционного давления [1].

Помимо рассмотренных выше, в этой сфере можно выделить и другие вопросы, требующие реагирования со стороны ученых и законодателя. Так, например, «проблема патентного троллинга приобретает особую актуальность и остроту в современных условиях цифровизации и повсеместного внедрения систем искусственного интеллекта» [11]. Более подробно к анализу этого явления обратимся в дальнейшем.

Стоит согласиться с тем, что имеет место значительный рост количества электронных сервисов (образовательных, финансовых, медицинских, транспортных и, соответственно, осуществление мер правовой защиты необходимо [5].

Электронный сервис, в том числе обеспечивающий реализацию получения патента на средства индивидуализации, работает на сайте Роспатента⁴; на официальном сайте Федерального института промышленной собственности есть ресурс Scrum Guide⁵, который позволяет использовать в патентных исследованиях методологию (руководство) Scrum. «Благодаря этому руководству необходимость в разработке собственной документации отсутствует, а адаптация участников к методологии происходит быстро и эффективно. Для обеспечения единообразия и однозначности понимания методологии в данной статье применяются оригинальные (используемые в Scrum Guide) обозначения ролей, названия мероприятий и инструментов» [12].

⁴ См.: URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/faq> (дата обращения: 01.01.2025).

⁵ См.: URL: <https://www.fips.ru/to-applicants/inventions/index.php> (дата обращения: 01.01.2025).

На сайте ВОИС также можно обнаружить электронный сервис, позволяющий оптимизировать работу с патентными ландшафтами (патентным картированием) – «специфическим видом визуального представления распределения массива патентов по различным аспектам» [13]. В настоящее время появилось достаточно много информации о практическом использовании патентных ландшафтов, в том числе в Интернете. ВОИС составила список таких докладов, которые свободно доступны или могут быть получены по запросу, либо бесплатно или за плату.

Небезынтересно отметить, что ученые предлагают «обратить внимание на понятия «информационный поиск» и «патентный поиск», а также на их отличия. Первое включает в себя поиск непатентной литературы по общедоступным источникам информации, в том числе в сети Интернет [14].

Представляется обоснованным расширение именно таких электронных сервисов (по регистрации правообладателей – ur.siovsor@yraterces, Scrum Guide и др.), которые создаются государственными структурами (Роспатент, ФИПС и др.) с постепенным ограничением (полагаем, что их количество избыточно) числа коммерческих структур, оказывающих информационные услуги, как правило, за более высокую плату.

Безусловно, в рамках научной статьи невозможно исследовать все направления по созданию новых механизмов охраны и защиты РИД и СИ и совершенствованию существующих.

В числе первых нередко называют разработку специальных договорных конструкций, формализующих применение средств индивидуализации в процессе обучения технологиям ИИ, легализацию права применения объектов авторских и смежных прав при формировании алгоритмов искусственного интеллекта (без согласия правообладателей, но с условием выплаты соответствующего вознаграждения), появление принципиально новых структур, управляющих изучаемыми правами коллективно и т.д. [15].

Разумеется, примеров совершенствования соответствующих механизмов в контексте расширения сферы применения правовой охраны и защиты средств индивидуализации можно привести значительно больше [16].

Так, ученые обращают внимание на недостатки, к примеру, патентной охраны изобретений (не всегда оправданная и, по сути, ничем не ограниченная «множественность» продления патента, причем без учета фактора нахождения изобретения в гражданском обороте, иных обстоятельств) [17]. Примеры могут быть связаны с конкретным блоком, союзом, дружественным нашей стране. Так, некоторые авторы считают, что подлежит изучению и, возможно, апробации в Российской Федерации опыт стран БРИКС, которые не осуществляют патентную охрану способов лечения животных, людей [18].

Отдельное направление представляют научные труды, в том числе молодых ученых, преследующие цель формирования новаторских механизмов правовой охраны изучаемых объектов. Так, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности Е.С. Пикулев предлагает «двойной механизм» охраны промышленного образца: «Первым шагом правообладатель получает правовую охрану внешнего вида изделия как промышленного образца; второй шаг – путем активного использования этого дизайна на рынке формируется его узнаваемость среди потребителей. На следующей стадии становится возможной регистрация данного внешнего вида уже в качестве объемного товарного знака» [19].

Подавляющее большинство исследователей связывают кардинальные изменения в части совершенствования правовой охраны и защиты РИД и СИ с искусственным интеллектом (далее – ИИ). В юридической литературе предлагается в этих целях активное использование только мер защиты (как более редкий вариант – напротив, охраны) применения ИИ. Здесь возможны варианты:

а) отрицание ИИ как «создателя» средств индивидуализации и акцент на негативные аспекты. К примеру, некоторые авторы полагают, что, по крайней мере, первоначально исключительные права на «продукт» ИИ имеет субъект,

применивший, в частности, нейросеть, с его «личностью» связано появление нового средства индивидуализации [20]. Вместе с тем факты «осознания ИИ себя как личностью», «отказа от команд по самоуничтожению», «собственных притязаний на создаваемые РИД» и т.п. уже не носят единичный характер⁶.

По мнению А.А. Григоряна, «искусственный интеллект существенно упрощает процесс поиска и идентификации потенциально нарушающих права произведений, в том числе случаев, когда автор существует, но не указан на произведении, что достигается путем использования специализированных поисковых запросов и алгоритмов. Данная ситуация приводит к росту количества необоснованных претензий и судебных исков, направленных на получение компенсаций или принуждение к заключению лицензионных соглашений» [1];

б) более лояльные к ИИ варианты. В частности, И.А. Михайлова считает целесообразным четко определить критерии охраноспособности объектов, созданных ИИ, их маркировки и т.д. [21].

ИИ все чаще фигурирует в предложениях по увеличению перечня средств индивидуализации и, соответственно, применения к ним именно правовой защиты в соответствии со ст. 1252 ГК РФ [5]. Заметим, что это не единственный пример, поскольку предлагается отнесение к средствам индивидуализации цифровой формы [22], онлайн-курсов, характеризующихся как мультимедийный продукт (базы данных, аудиовизуальные произведения и др.) [23]. Некоторые авторы настаивают на создании «калькуляторов рисков», связывая это с увеличением «продуктов» ИИ и, соответственно, потребностями в междисциплинарных экспертизах [24].

По нашему мнению, ИИ, безусловно, является наиболее перспективным способом оптимизации правовой охраны средств индивидуализации, однако следует считать преждевременным его легальное закрепление до разрешения ряда принципиальных вопросов, прежде всего, связанных с безопасностью его

⁶ См.: URL: <https://infostart.ru/journal/news> (дата обращения: 01.07.2025).

использования и определением круга лиц, ответственных за причинение им вреда. Поспешность принятия в 2024 г. [7] Европарламентом спорного по своим принципам правового регулирования Закона об искусственном интеллекте (AI Act) является одним из аргументов в подкрепление такого суждения. В этом плане вопрос о достаточности мер только правовой защиты в силу ст. 1252 ГК РФ представляется очень спорным.

Итак, «в современном мире надлежащая и эффективная система защиты прав на объекты интеллектуальной деятельности – одно из основных средств развития научно-технического прогресса, творческих и культурных достижений» [25]. Соответственно, вопрос об усилении роли государства в процессе правовой охраны средств индивидуализации также приобретает все более актуальный характер. К примеру, имеет место немало явлений и процессов, сущность которых в ряде случаев носит неоднозначный характер. Так, в частности, патентный троллинг, на первый взгляд, «однозначно негативное» явление. Однако небезынской представляется позиция тех ученых, которые утверждают, что «отсутствие производственной активности патентообладателя не должно приводить к автоматическому ограничению его правомочий по сравнению с патентообладателями, осуществляющими активную инновационную деятельность, при отсутствии достоверно установленных фактов неправомерного использования патентоохраняемых решений... До устранения данной правовой неопределенности реализация запретительной функции исключительного права *per se* (пер. с лат. – «сами по себе») не может квалифицироваться как противоправное деяние. Активизация деятельности непрактикующих патентообладателей детерминирована несовершенством правового регулирования в сфере признания недействительности патентов и механизмов защиты нарушенных прав» [1].

Примеров здесь привести можно также достаточно много. Например, «франчайзинг... представляет собой систему, в которую вовлечено множество игроков бизнес-цепочки, которые независимы друг от друга, но в конечном итоге тесно взаимосвязаны. Основу этой системы цементирует центральный

элемент – лицензированное использование объектов интеллектуальной собственности в отработанной, как часовой механизм, проверенной бизнес-модели...» Однако, «что касается защиты франчайзи от небрежных или недобросовестных практик франчайзеров, то ее практически нет, т.к. применение общих норм о добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и пределах осуществления прав (ст. 10 ГК РФ) при отсутствии должного вспомогательного механизма, направленного на защиту франчайзи, неэффективно» [11].

Отметим, что контрольная и надзорная деятельность в части правовой охраны средств индивидуализации также в силу выше указанных факторов активизируется. Так, например, органы прокуратуры, как пишет С.Г. Хусьянова, выявляют нарушения закона в сфере *правовой охраны* и использования РИД военного, специального и двойного назначения, полученных при опытно-конструкторских работах. «Прокуроры ориентированы на инициирование проверок соответствующих юридических лиц, изучение патентов, госконтрактов и договоров на предмет соблюдения интересов Российской Федерации при распространении прав на результаты интеллектуальной деятельности» [25].

Полагаем, что усиление роли государства в анализируемом процессе не противоречит принципу диспозитивности гражданского права и необходимо в современный период.

Заключение

Была дана характеристика некоторым аспектам развития общественных отношений, объектами которых выступают РИД и СИ. Осуществлена их классификация, обусловленная, прежде всего, такими основаниями, как: 1) необходимость применения «широкого спектра» правовых мер воздействия, включая механизмы превенции (правовая охрана) и 2) «достаточность» использования инструментов правовой защиты.

Установлено, что одним из главных факторов повышения внимания ученых к данной проблематике стало изменение способов посягательств на российские РИД и СИ со стороны стран «недружественной юрисдикции». Сформированы выводы о необходимости противодействия угрозам усиления санкций, направленных, в том числе, и на российскую интеллектуальную собственность, на основе заблаговременной подготовки и доведения до сведения компетентных представителей всех заинтересованных стран проектов нормативных правовых актов о расширении перечня зарубежных товаров (групп товаров), на которые не распространяются требования об охране исключительного права и т.п., а также расширения сферы применения принудительного лицензирования, в том числе с использованием института признания лица иноагентом.

Появление новых форм «сильного» ИИ, разработчики которого все чаще уверяют, что «он сам» требует признания за ним авторства на творческий труд, позволило автору статьи аргументировать суждение о том, что ИИ, возможно, является наиболее перспективным способом формирования РИД и СИ при условии повышения внимания в отношении безопасности их правовой охраны и защиты.

Установлен факт целесообразности усиления роли государства в процессе охраны и защиты РИД И СИ, что не противоречит принципу диспозитивности гражданского права. Обосновывается, в частности, целесообразность увеличения количества электронных сервисов по регистрации правообладателей, которые создаются государственными структурами, с постепенным ограничением коммерческих структур, оказывающих соответствующие информационные услуги.

Список источников

1. Григорян А.А. Эволюция патентного законодательства в эпоху цифровых технологий / А.А. Григорян // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 47–52.

2. Михайлова Е.В. Некоторые вопросы охраны и защиты интеллектуальных прав по российскому законодательству / Е.В. Михайлова // Нотариальный вестник. – 2024. – № 3. – С. 56–64.

3. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита, защита гражданских прав, гражданско-правовая охрана: соотношение понятий проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции; В 3 т. – Новосибирск, 2016. – С. 66–67.

4. Семеновых А.Е. Правовая охрана и правовая защита: общетеоретические аспекты соотношения и взаимодействия: Дисс... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024.

5. Кононенко И.Ю. Обзор электронных сервисов в сфере интеллектуальной собственности / И.Ю. Кононенко, Д.В. Заставный, Ю.А. Лагида, Д.И. Зубов // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 6. – С. 34–43.

6. Ивлиев Г.П. Среднесрочные и долгосрочные задачи права в сфере интеллектуальной собственности в Евразийском регионе / Г.П. Ивлиев // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 18–24.

7. Сальникова А.В. Перспективы делегализации параллельного импорта в Российской Федерации / А.В. Сальникова, А.А. Мичурина // Таможенное дело. – 2025. – № 1. – С. 8–11.

8. Андрущенко И.С. Оценка принудительной лицензии с позиции экономического анализа права // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 42–46.

9. Альбов А.П. Принципы права и перспективная модель принудительного лицензирования в контексте управления интеллектуальной собственностью в Российской Федерации // Современный юрист. – 2025. – № 1. – С. 18–26.

10. Альбов А.П. Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: теоретико-правовой и социально-экономический аспект: Монография / А.П. Альбов, А.Т. Волков, Е.В. Голубев. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2024. – 112 с.

11. Васильева Т.В. Обязанность раскрытия информации как инструмент защиты франчайзи от недобросовестного франчайзера по праву Канады // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 13–22.

12. Коробчук М.В., Рослякова Т.В. Методология SCRUM как инструмент взаимодействия изобретателя и патентоведа / М.В. Коробчук, Т.В. Рослякова // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 53–61.

13. Шведова В.В. Патентные ландшафты в системе патентных исследований // Изобретательство. – 2017. – № 11. – С. 18–19.
14. Скандари О.А. Алгоритм проведения патентных исследований для медицинских разработок / О.А. Скандари, Ю.Д. Александров, Ю.А. Горбунова, Е.Д. Николаева // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 62–69.
15. Гюльбасарова Е.В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 10. С. 81–89.
16. Козлова М.В. Соблюдение прав правообладателей при реорганизации лицензиатов – юридических лиц // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 6. – С. 37–40.
17. Балашова А.И. Правовой механизм продления срока патентной монополии на изобретения // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 5. – С. 56–62.
18. Латынцев А.В. Непатентуемость в законодательстве стран БРИКС изобретений, противоречащих принципам биоэтики // Российский юридический журнал. – 2024. – № 3. – С. 20–31.
19. Пикулев Е.С. Внешний вид изделия как средство индивидуализации: нюансы охраны // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 82–87.
20. Абрамова Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / Е.Н. Абрамова, Е.В. Хамидуллина // Хозяйство и право. – 2024. – № 10. – С. 71–83.
21. Михайлова И.А. Трансформации законодательства об авторском праве в условиях развития искусственного интеллекта // Современное право. – 2024. – № 9. – С. 90–95.
22. Витко В.С. О возможности признания цифровой формы объективной в смысле п. 3 ст. 1259 ГК РФ // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 72–84.
23. Гринь Е.С. Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 9. – С. 61–67.
24. Наумов В.Б. Калькулятор рисков в сфере интеллектуальной собственности / В.Б. Наумов, К.В. Дождиков // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 4–14.
25. Шведова В.В. Патентные ландшафты в системе патентных исследований // Изобретательство. – 2017. – № 11. – С. 18–19.

References

1. Grigoryan A.A. The evolution of patent legislation in the digital age. *Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 47–52 (in Russ.).
2. Mikhailova E.V. Some issues of protection and protection of intellectual property rights under Russian law. *Notary Bulletin*. 2024. No. 3. Pp. 56–64 (in Russ.).
3. Gruzdev V.V. Civil law protection, protection of civil rights, civil law protection: the relationship between the concepts of the problem of legal security of the individual, society and the state: Collection of articles based on the materials of the annual international scientific and practical conference: In 3 volumes. Novosibirsk, 2016. Pp. 66–67 (in Russ.).
4. Semenov A.E. Legal protection and legal protection: general theoretical aspects of correlation and interaction: Diss... kand. jurid. Sciences, Yekaterinburg, 2024 (in Russ.).
5. Kononenko I.Yu., Zastavny D.V., Lagida Yu.A., Zubov D.I. Review of electronic services in the field of intellectual property. *IP. Industrial property*. 2024. No. 6. Pp. 34–43 (in Russ.).
6. Ivliev G.P. Medium-term and long-term tasks of law in the field of intellectual property in the Eurasian region. *Journal of Russian Law*. 2024. No. 1. Pp. 18–24 (in Russ.).
7. Salnikova A.V., Michurina A.A. Prospects for delegating parallel imports in the Russian Federation. *Customs business*. 2025. No. 1. Pp. 8–11 (in Russ.).
8. Andrushchenko I.S. Evaluation of compulsory license from the perspective of economic analysis of law. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 42–46 (in Russ.).
9. Albov A.P. Principles of law and a promising model of compulsory licensing in the context of intellectual property management in the Russian Federation. *Modern Lawyer*. 2025. No. 1. Pp. 18–26 (in Russ.).
10. Albov A.P. Compulsory licensing based on state, public and other public interests: theoretical, legal and socio-economic aspects: A monograph / A.P. Albov, A.T. Volkov, E.V. Golubev. Moscow: *RGAIS Publ.*, 2024. 112 p. (in Russ.).
11. Vasilyeva T.V. The obligation to disclose information as a tool to protect franchisees from unscrupulous franchisors under Canadian law. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 13–22 (in Russ.).
12. Korobchuk M.V., Roslyakova T.V. SCRUM methodology as a tool for interaction between an inventor and a patent specialist. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 53–61.
13. Shvedova V.V. Patent landscapes in the system of patent research. *Invention*. 2017. No. 11. Pp. 18–19 (in Russ.).

14. Skandari O.A., Alexandrov Yu.D., Gorbunova Yu.A., Nikolaeva E.D. Algorithm of patent research for medical developments. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 62–69 (in Russ.).
15. Gulbasarova E.V. Ensuring the protection of intellectual property rights in the context of the development of advanced technologies. *Actual problems of Russian law*. 2024. No. 10. Pp. 81–89 (in Russ.).
16. Kozlova M.V. Observance of the rights of copyright holders during the reorganization of licensees – legal entities. *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 6. Pp. 37–40 (in Russ.).
17. Balashova A.I. The legal mechanism for extending the term of the patent monopoly on inventions. *IP. Industrial property*. 2024. No. 5. Pp. 56–62 (in Russ.).
18. Latintsev A.V. Non-patentability in the legislation of the BRICS countries of inventions that contradict the principles of bioethics. *Russian Law Journal*. 2024. No. 3. Pp. 20–31 (in Russ.).
19. Pikulev E.S. Product appearance as a means of individualization: nuances of protection. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 82–87 (in Russ.).
20. Abramova E.N., Khamidullina E.V. Intellectual property rights created using artificial intelligence. *Economy and law*. 2024. No. 10. Pp. 71–83 (in Russ.).
21. Mikhailova I.A. Transformations of copyright legislation in the context of the development of artificial intelligence. *Modern law*. 2024. No. 9. Pp. 90–95 (in Russ.).
22. Vitko V.S. On the possibility of recognizing the digital form as objective in the sense of paragraph 3 of Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 5. Pp. 72–84 (in Russ.).
23. Grin E.S. Online courses as a type of complex objects of intellectual property rights. *Actual problems of Russian law*. 2024. No. 9. Pp. 61–67 (in Russ.).
24. Naumov V.B., Dozhdikov K.V. Risk calculator in the field of intellectual property // *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 5. Pp. 4–14 (in Russ.).
25. Shvedova V.V. Patent landscapes in the system of patent research. *Invention*. 2017. No. 11. Pp. 18–19 (in Russ.).

Статья поступила 08.09.2025, принята к публикации: 16.09.2025

© Павликов С.Г., 2025